

Часть первая

ОБОРОНА ГОРОДА

Глава 1

3 декабря 1941 года.

Железнодорожная станция Елец.

Рядовой 507-го полка 148-й стрелковой дивизии

Алексей Белов.

...Близкий удар пули поднимает фонтанчик снега. Искрящиеся на солнце льдинки больно бьют по глазам, и я рефлекторно вжимаюсь в ячейку.

Норки. Мышиные норки, которые не везде удалось связать узкими ходами сообщений. В частности, мою.

Потому сейчас я один. ОДИН. Мне не перед кем храбриться, никто меня не поддержит и не окричит. И я могу честно признаться себе, что боюсь. Что очень сильно боюсь.

Тяжелый удар артиллерийского снаряда сотрясает землю. С бруствера на шинель сыплются комья мерзлой земли и грязный снег; он попадает за воротник. Но я не чувствую холода. Я вообще ничего не чувствую, только пытаюсь сжаться еще сильнее.

Земля дрожит под тяжестью приближающихся танков. Их всего два. *Всего...* Я мог так думать до сегодняшнего дня, пока Митьку Архипова с расчетом не накрыл первый же выстрел долбаного

фрица! Единственный в роте станковый «максим», гордость сержанта... Больно он большой, да и громоздкий щиток уверенно выдает позицию пулеметчика.

Неимоверным усилием воли заставляю себя приподняться. Только на уровень глаз, чтобы увидеть противника.

Вот же!.. Они уже совсем близко. Метров 500, не больше.

Какой противный свист у этих мин! Совсем рядом со мной взрывается один такой подарочек; некоторые бойцы называют его «огурцом». Вроде и небольшой снаряд, но старожилы дивизии, успешные повоевать в Белоруссии и под Смоленском, больше всех ненавидят именно минометчиков с их «огурцами». Ну после «лаптежников», конечно. Уж больно часто сыпят — с боеприпасами у немцев порядок, не то что у нас.

А между тем фрицы из своих «самоваров» начинают нас конкретно давить. Свист становится нестерпимым; он словно ледяная змея, что забирается за шиворот, — противно, и достать никак не получается.

Негромкие хлопки вокруг меня бьют словно кнутом. В ответ раздаются матюки храбрящихся пацанов... и первые крики боли.

Я снова прячусь в стрелковой ячейке. И какой дурак решил копать их вместо окопов?! Там-то ты не один, там ты чувствуешь плечо товарища; там гораздо легче бороться с ужасом, что охватывает новичка в первую схватку.

Но между тем не видеть врага еще страшнее. Нет, не храбрость заставляет меня снова приподняться над бруствером, нет. Просто умереть вот так, сжавшись в комок и видя лишь раскисший чернозем, пе-

ремешанный со снегом, — это даже хуже, чем поймать случайную пулю.

Однако, увидев противника еще раз, я вновь закрываю глаза. Надеюсь воскресить в памяти хоть что-то, что на секунду затмит картину наступающих по снежному полю фрицев: пехотинцев, расчеты орудий, толкающие перед собой мелкие, но точные и скорострельные пушечки, две громадины танков...

— Леша, Лешенька... ну, остановись! Нельзя же!

— Ань... Меня завтра забирают на фронт. Там война! Ты понимаешь, что после уже ничего, может, и не будет? Меня не будет!

— Леша... Лешенька... Милый...

Горячие полные губы девушки, соленые от слез жалости и стыда, наконец-то отвечают на мои требовательные поцелуи. Руки бешено хватают нежную девичью плоть, упругую и горячую, даже обжигающую. Восторг первой близости заполняет сознание... Я будто не слышу ее вскрика, лишь крепче сжимаю дрожащую девчонку в объятиях...

...— Что, опробовал девку? Колись, Леха! Хороша Анютка-то, а?! Может, и нам обломится?!

Лошадиный гогот земляков, призванных со мной в одну роту, заставляет до боли сжать пальцы в кулаки. Но вместо того чтобы дать в рыло зубоскалу, высмеивающему мой горделивый рассказ (я-де теперь мужик, теперь и помирать не страшно), отвечаю лишь гаденькой улыбкой:

— Хороша...

А ведь Витька сам за Анькой увивался, и в его злой похабщине сквозит боль. Может, он даже ее любил, но она предпочла гулять со мной и на деревенских танцах меня выбирала. Хотя я сох по Ксюхе.

Но сейчас на душе гадко, будто в дерьме извалялся. И за себя, не сумевшего свое хвастовство над обманутой девкой скрыть (да хоть бы по-мужски за нее заступиться!), и за Витьку, что любовь свою не сберег, а теперь, видно, решил отомстить...

Очередная вспышка злости и запоздалого раскаяния на секунду меня отрезвляет. Я будто смотрю на себя со стороны: маленький, трясущийся, жалкий... Конечно, красивая и умная Ксюшка не смотрела в мою сторону — видела, что я за птица. А Анька, может, и видела, но жалела. Или еще что — любовь зла, сердцу не прикажешь. И чем я ей отплатил? Опозорил незамужнюю девку, убедив, что могу умереть.

Да, могу! Но и Витька может. И вся рота моя может сегодня погибнуть, и весь батальон, и даже весь 507-й стрелковый полк в полном составе. И погибнет, если каждый боец будет жаться на дне ячейки, не в силах и раза выстрелить по врагу!

Больно. Внутри вдруг стало больно, словно судорогой все нутро свело. А по щекам побежало горячее. Провожу по коже грязной рукой — слезы! Заплакал заяц!

Усмехаюсь сам над собой. Трус... Но и трус может за любимых драться, за землю родную. И чем он тогда отличается от смелого? Впрочем, тот свой страх не побеждал, он же смелый. Мне пришлось сложнее...

Наконец-то поднимаю винтовку, родную трехлинейку. Неспешно укладываю на бруствере, крепко упираю приклад в плечо. Судорога внутри будто бы отпускает... Ловлю в прицельную планку вскочившую фигуру.

А не такие вы и страшные, когда на вас через прицел смотришь.

Тяну за спуск.

Выстрел!

Немец падает, но не от пули: фриц как раз закончил короткую перебежку. Вроде и невелико расстояние, всего-то метров 400, но попробуй попади: враг вскочит, пробежит метров 15–20 под прикрытием пулемета и товарищей и снова залегает. А пулеметы, ух! Метко содят, плотно!

Я вдруг начинаю смеяться. Да даже хохотать — так легко вдруг стало, когда страх отпустил. Нет, правда отпустил! И очереди вражеские в мою сторону летят, и мины рядом падают — а мне вдруг нестрашно. Наверное, понял, что умереть — это не самое худшее в жизни. Гораздо хуже жить безвольным трусом.

По-прежнему хохоча, ловлю в прицел вспышки вражеского пулемета. Ведь в мою сторону бьет, гад! Очередь рядом с бруствером легла, снег перепахала! Ну, подожди, брат лихой, сейчас мой черед стрелять будет!

Навожу прицельную планку ровно под срез бьющегося на раструбе пламени. Ровно как учили. Глубоко вдыхаю и медленно так выдыхаю, чуть задерживая воздух в конце. Тяну за спусковой крючок.

Выстрел!

Вражеская очередь обрывается.

Ха-ха-ха! Да я пулеметчика заткнул, ребята! Будет теперь что пацанам рассказать, будет! Есть чем гордиться, я теперь уж точно мужиком стал!

А попробует Витька еще раз Аньку обидеть — ей-богу, все зубы повыбиваю, не побоюсь трибунала!

Короткая вспышка острой боли в груди — а я все еще смеюсь. Ну или хотя бы улыбаюсь. Ведь хорошо же, хорошо же как — когда страх свой побеждаешь,

когда правильный выбор делаешь, несмотря ни на что! Это, наверное, и есть самое главное в жизни!

Хорошо. И небо над головой такое синее-синее... Только почему-то я смотрю на него из ямы. Как я сюда попал? А впрочем, какая разница?! Главное, что спокойно так, уютно. И не больно совсем, нет. Только холодно очень...

Ефрейтор 386-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Владимир Афанасьев.

...400 метров. Сердце невольно пускается вскачь — сейчас немецкие наводчики нас разглядят, и все, пиши пропало: капониры укрывают только низ орудия. Ну же, сержант, когда дашь отмашку?!

Впрочем, он сам нервно ждет сигнала комбатра: батарея должна открыть огонь одновременно.

Угловатые коробочки фрицевских танков уже находятся в зоне эффективной стрельбы. Если я правильно их опознал (мы изучали силуэты и ТТХ вражеских машин весь последний месяц), это «тройки», средние танки с не очень мощной пушкой калибра 50-мм. Зато броня у них неплохая, 30-мм лоб башни и аж 50 — лоб корпуса. Поэтому и приходится подпускать их так близко.

Вообще-то зенитный артдивизион — это сила, способная остановить и более внушительную вражескую атаку. Пусть даже неполный — орудия и расчеты повыбило во время воздушных налетов, кого-то перевели вместе с матчастью.

Но дело-то в том, что мы не готовились отражать танковую атаку, а потому до последнего держались на позициях, с которых перекрывали небо над станцией. Три батареи по штату, четыре трехдюймовки

«З-К» и восемь 37-мм зенитных автоматов «К-61» (на котором я служу первым номером, наводчиком по азимуту), смогут обеспечить надежную защиту крупного объекта, лишь разделив небо на сектора (с выбором высоты под возможности конкретного орудия). Для этого батареи располагаются на значительном удалении друг от друга, выстраивая «треугольник». Вот только сейчас самые мощные орудия — трехдюймовки (они бы за километр достали «тройки») находятся вообще по ту сторону многочисленных путей. Да и вторая, более многочисленная батарея (три орудия) расположена слишком далеко от места схватки — она прикрывает «север» вытянутой станции и железнодорожный мост.

Можно было бы подтянуть обе батареи к началу немецкой атаки, можно. Только слишком стремительно развивались события с самого утра. Еще пару часов назад в Казинке стояли наши, держались на подготовленных позициях, контратаковали... а уже сейчас немцы прут прямо на нас. Хоть не одни деремса, стрелковый батальон вон уже минут 20 воюет!

Два орудия на два танка, расклад равный. У немцев, правда, еще расчеты противотанковых пушек показались, зато на станции притаился цельный бронепоезд. Да. Только вот вооружен он все теми же трехдюймовками (не зенитными, гораздо менее мощными), а фрицы за Казинкой уже развернули батарею полковых гаубиц (бляха муха, у них даже полковая артиллерия представлена гаубицами, не говоря уже о дивизионной; как с ними воевать-то?!). Перед атакой гитлеровцы неплохо так прошлись по позициям батальона, и рискни экипаж бронепоезда высунуться сейчас, он лишь обречет себя на

бесцельную гибель. Нет, команда бронепоезда вступит в бой, если фрицы прорвутся на станцию: гаубицы не смогут вести огонь, не накрыв собственной пехоты.

...Руки судорожно сжимают маховик поворотного механизма. Повинуясь тихим командам сержанта, я медленно поворачиваю орудие, ведя «свой» танк. Ну когда же... Не в силах сдерживать волнение, я на секунду оглядываюсь на других членов расчета, своих боевых товарищей. Все они волнуются, крайняя степень напряжения и ожидания написана на их лицах, но не трусит никто. Еще бы, уже сколько раз под бомбежками были! А сейчас нам противостоят не скоростные самолеты, а «всего лишь» тихходные танки. Пускай и смертоносные...

Расчет зенитного орудия — это элита среди артиллеристов. Нельзя сравнивать нас с обслуживанием противотанковых пушек, что несут самые большие потери, но воюют на мелких, легкоуправляемых сорокапятках (там только один наводчик, от которого в основном и зависит исход боя). И уж тем более с расчетами полковых пушек и гаубиц, зачастую ведущих огонь по секторам, да с закрытых позиций. Нет, у нас каждый член расчета — это важнейшая единица, без которой боя не проведешь. Два наводчика (по вертикали и горизонтали), два прицельных (по дальности и по скорости, углу пикирования) и заряжающий, что должен успевать вставлять в пазы пятипатронные обоймы, пока зенитка бешено вращается. Без подачи же боепитания перестанет работать автоматика, и орудие замолчит.

Наши действия должны быть предельно слаженными и четкими, мы представляем собой сложный

боевой организм. А потому не по службе отношения внутри расчета очень теплые, практически семейные. И я рад, что каждый член моей семьи готов к бою. Так что посмотрим, кто сильнее: боевое братство советской артиллерии или автоматизм немецких танкистов.

Сержант, ну когда же ты уже скамандуешь...

Вся эта бравада, все посторонние мысли — это лишь попытка отвлечься от липкого, разъедающего душу страха. У зенитчиков обычно нет передовой в привычном понимании этого слова, наш фронт — это небо, и мой экипаж, на счету которого уже два немецких пикировщика, достойно себя проявил.

Вот только сегодня мы оказались именно что на передовой...

Метров 380... Ну же, когда начнем!

Один из танков в очередной раз делает «короткую» (двух-, трехсекундную остановку, чтобы довести орудие и выстрелить), и я в одно мгновение понимаю, что это будет «наш» выстрел. В груди вдруг образуется пустота; одновременно я начинаю видеть так, как никогда раньше в жизни не видел. Или мне только кажется? Но как же еще можно объяснить, что я разбираю номера на борту немецкой машины, что явственно вижу жерло орудия, нацеленного словно на меня одного!

— Огонь!!!

Яростная команда сержанта переключается с грохотом зенитного автомата, отправившего в цель первую пятерку бронебойно-трассирующих снарядов. Немец выстрелил чуть раньше, но выпущенный им осколочный с диким воем рассек воздух метрах в десяти слева и взорвался уже за спиной.

— Быстрее снаряды!

Наша первая очередь также не слишком точна, болванки лишь пропахали борт башни, оставив на броне светящиеся от жара малиновые полосы. Но преимущество автомата в гораздо большей скорострельности; «тройка» лишь успела тронуться, прежде чем поймала еще пяток снарядов в лоб корпуса. Танк сильно дернулся, словно налетел на гигантскую стену; секунду спустя открылся единственный люк, из которого тут же густо попер дым. Следом показался будто бы пьяный человек — до того неточны его движения. Он сумел перебросить свое тело через борт машины, но через мгновение из люка ударила тугая струя пламени. Дикий, нечеловеческий крик, наполненный болью, резко ударил по ушам...

Сильный взрыв отвлек мое внимание от погибающего в огне экипажа (хоть и враги, но смерть жуткая) и заставил обратить внимание на второй танк. Но, видимо, «соседям» повезло больше: вражескую машину словно разорвало изнутри, а башню так вообще отбросило взрывом. Очевидно, очередь бронебойных снарядов прошла ее более тонкую броню и попала в боеукладку, вызвав детонацию снарядов.

Как там говорил Александр Невский? «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет!» Учите историю, псы немецкие!

*Рядовой 507-го полка 148-й стрелковой дивизии
Виктор Андреев.*

Оба фашистских танка горят яркими чадными факелами. Жар огня, поглощающий остовы боевых машин, столь страшен, что достает до наших позиций; я ощущаю его кожей лица.

Зенитчики без промедления перенесли огонь на поле, ударив по пулеметным расчетам. Немецкое наступление, лишившееся главной ударной силы и огневого прикрытия, в одночасье захлебнулось.

Удобный момент. Я уже предчувствую нашу контратаку; руки до боли стискивают цевье винтовки и ложе приклада. Кровь бьется в висках так, что я буквально слышу удары своего сердца.

— РРРО-О-ТА-А! ЗА РРРОДИНУ!! ЗА СТАЛИНА!!!
УРРА-А-А-А!!!

Старлей бросается вперед. За ним, бешено крича и матерясь, поднимаются красноармейцы. Всеобщий порыв столь заразителен, что я даже не заметил, как покинул свою ячейку. Лечу вперед, раззявив рот в диком, беззвучном крике.

Ярость, охватившая бойцов, объяснима: сколько мы ждали немцев, сколько готовились — и все равно они ударили неожиданно, все равно прорвались. И если бы не зенитчики, как пить дать, враг выбил бы нас со станции. Кто-то из моих сослуживцев уже погиб, многие вскоре погибли бы — слишком грамотно и умело воюют немцы, словно бесстрашный и бездушный механизм.

Но стоило им лишь на мгновение сбавить натиск, дрогнуть — и давящее, безусловное превосходство врага куда-то исчезло. Страх, который я гнал от себя бешеной (и наверняка неточной) стрельбой, страх, который мешал целиться и заставлял выть по-звериному, от ужаса, — он переродился в дикую, всепоглощающую ярость. И сейчас, пробиваясь к врагу по снегу, каждый из нас одержим лишь одним желанием — дотянуться до немца, насадить на штык, дотянуться до следующего немца...

Мы бежим не пригибаясь, в рост. Мы видим лица своих врагов — и теперь уже на них написан страх смерти. Где-то в груди рождается звериный рык, рвущийся наружу. Сейчас, твари, сейчас...

Немцы встречают нас плотным пулеметным огнем, меткими винтовочными выстрелами. Вокруг меня, словно натолкнувшись на невидимую преграду, падают товарищи — еще с детства знакомые ребята. В сердце вновь забирается ужас — дикий, первобытный ужас скорого конца.

Но он не бросает меня назад, нет. Он дает силы пролететь последние несколько метров, разделяющих нас с врагом.

— А-а-а-а!!!

Зло оскалившись, дюжий, крепкий немец (голова на полторы выше) вскидывает карабин. Дуло винтовки смотрит прямо на меня — а я бегу на врага, словно замороженный, не в силах свернуть в сторону, отскочить, нырнуть вниз.

Крохотная вспышка пламени заставляет на секунду зажмурить глаза.

Все?!

Кожу на шее крепко так обжигает. Но я не сворачиваю и не замедляю бега.

— Ннна-а-а!!!

Игольчатый штык вонзается в живот фрица. Человеческая плоть сопротивляется металлу, винтовку ощутимо дернуло, но я все же сумел удержать ее в руках. Трехлинейка погрузилась в тело врага по самую мушку.

Невольно поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с противником. Какая же мука написана на его лице, какую же боль оно отражает! Изо рта обильным ручьем течет кровь, а василькового цвета глаза

будто тухнут — жизнь стремительно покидает врага. На мгновение меня словно парализует.

Ударившая слева автоматная очередь приводит в чувство. Бой не окончен, нечего раскисать!

...Наши не добежали до противника какой-то десятков метров. Но немецкие пулеметчики в буквальном смысле ставят перед собой стену свинца; унтеры, поддерживающие своих автоматным огнем, четко организуют подчиненных.

Стоящий в десяти метрах фриц разворачивается в мою сторону. Какой-нибудь фельдфебель — именно командиры немецких отделений вооружены пистолетами-пулеметами «МП-38/40». Да, я могу это определить — нас хорошо учили командиры, хлебнувшие лиха под Смоленском. Они-то и рассказывали о достоинствах и недостатках трофейного оружия, советовали использовать фрицевские автоматы только в ближнем бою — свыше 100 метров они никакой точности не имеют. Убеждали получше освоить родную трехлинейку — оружие надежное и точное.

Только вот незадача: моя сейчас застряла в теле убитого врага. Пытаюсь выдернуть, не идет — а фриц все разворачивается в мою сторону, медленно так, словно в воде. Руки немеют, по спине бежит смертный холодок...

В какофонии звуков боя я не слышу выстрела, но явственно вижу, как дернулась от удара голова врага. Тяжелым кулем он валится на бок.

Время вновь ускоряется. Поднимаю выпавший из рук убитого немца (*и что раньше не догадался?*) карабин с примкнутым ножевым штыком и вновь бросаюсь вперед, слыша за спиной раскатистое, яростное:

— УРРРА-А-А-А!!!

Командиры вновь подняли бойцов.

На этот раз добегают все; вокруг стремительно закружилась кровавая круговерть рукопашной схватки. В ход идут штыки, саперные лопатки, зубы, кулаки... Люди словно переродились в зверей — над полем повис жуткий, многоголосый вой.

Большинство немцев крупнее нас; хорошо откормленные, увитые крепкими мышцами, они не хуже красноармейцев владеют штыковым боем (а то и лучше). Щуплые, маленькие крестьянские парни из пополнения (кое-кто мясо попробовал впервые в армии) кажутся по сравнению с фрицами коротышками.

Но все это с лихвой компенсируется мощным зарядом ненависти к врагу. И если до того немцы уверенно давили нас пушками, минометами, пулеметами, то сейчас мы, по сути, равны; сейчас у нас есть шанс одолеть врага — и мы его используем.

Я успеваю добежать до очередного противника прежде, чем он успел перезарядить свой карабин. Колю длинным выпадом — но немец заученно сбивает мою винтовку ударом ствола и с силой бьет в ответ.

В последний момент парирую укол ложем карабина — ножевой штык лишь скользит по телу, прорезав шинель и кожу. Обратным движением бью навстречу упором приклада. Удар в голову получается не очень сильным, но немец отпрянул. Еще одна выигранная секунда — и я заученно достаю челюсть врага прикладом с разворота. Фрица пошатнуло, но он остается стоять на ногах — мне не хватило замаха.

Враг отпрянул, колет в ответ. Но теперь уже я отбиваю укол стволом карабина. Дергаю его на себя — и штык-нож в коротком выпаде вонзается в живот фрица...

*Сержант Федор Аникеев,
командир пулеметного расчета
496-го стрелкового полка.*

Контратаку 507-го (один неполный батальон) и батальона пополнения, который привел какой-то важный командир из штаба фронта, немцы отбили. Да и то сказать, у фрицев пулеметы и сейчас имеются в каждом отделении ровно по штату; они основа огневой мощи врага. А наши бежали в рост, на ура взять пытались... Нет, до кого добежали, ударили крепко, смяли, перебили в яростной рукопашной.

Но основная масса фрицев откатилась, залегла и открыла такой плотный огонь, что подобраться к ним стало просто невозможно. Потрепанные батальоны отвели на станцию, зато наш 496-й полк практически в полном составе развернули для атаки.

Немцы ведь тоже откатились к Казинке. Но у них такая тактика: крепко ударить и, если противник слабый, додавить его с ходу. Если же сильно огрызается, фрицы отступят, людей поберегут. Подтянут артиллерию, минометы, когда имеется — бронетехнику. Концентрируют силы. Еще раз крепко обрабатывают оборону врага артогнем. И снова удар. Не получилось, опять большие потери — отступят. Еще раз артподготовка. Еще раз концентрация сил, подтягивание резервов. Еще один удар... А населенные пункты за спиной обязательно укрепляют, причем

быстро. Пара-тройка часов — и потеснить фрица из уже готового узла обороны не так-то просто.

Вот наши командиры и порешили, что атаку противника надо предупредить и выбить его из села раньше, чем он основательно в нем закрепится. Идея-то неплохая, но мне ли, ветерану боев под Смоленском, не знать, как дорого нам обходятся такие атаки, как невелик шанс успеха...

Еще раз внимательно осматриваю свой пулемет. Мой «ДП-27», «дегтярев пехотный» образца 1927 года, уже, наверное, тысячу раз почищен, смазан, обтерт — но подготовка оружия перед боем лишней не бывает. Да и успокаивает меня сей процесс. Ведь вроде не в первый раз в схватку, но пока стояли на переформировке в Ельце, уже успел — отвык от... Как правильно сказать-то? От близкой смерти? От напряжения боя? От того, что надо идти кого-то убивать и сделать так, чтобы не убили тебя? Да, наверное, от всего.

— Вася, ты диски набил?

— Так точно, товарищ сержант!

Василий Орехов, мой второй номер, еще не бывал в боях. Но парень вроде не трус, да к тому же грамотный, городской. Для него этот бой не просто схватка с фрицами. Сегодня Вася будет защищать свой родной город, свой дом. И хотя парень отчаянно волнуется, я верю, что в бою он не подведет.

Эх, только выживем ли?! Знаю, перед дракой такие мысли гнать надо. А с другой стороны — куда от них деться-то, от мыслей? Пулеметных расчетов в полку кот наплакал, причем атаку поддерживаем в первую очередь мы, «ручники». Станковые «максимы» просто так с собой не утащишь, в них живого веса больше 60 килограммов. А на поле, атакуя

вместе с пехотой, расчеты ручных «ДП» становятся лакомой целью для вражеских пулеметчиков.

Принятый на вооружение фрицев «единый» пулемет — штука сильная, особенно в обороне. Скорострельность огромная, раза в полтора больше, чем у «ДП», ствол меняется в считанные секунды. Металлическая лента не мнется и не обрывается, заряжать ее можно с обеих сторон. А если установить пулемет на станок — так вообще труба: с него и точность, и кучность, и дальность стрельбы возрастает. К тому же станок оснащен оптическим прицелом.

Я один день воевал с трофейным «МГ-34», знаю, о чем говорю. Название прочитал на пулемете. И дальше бы с ним дрался, только вот патроны кончились, да и отступать пришлось — а с пулеметом много не набегаешь.

Еще раз трепетно провожу ветошью по стволу «дегтярева». Нет, у нас оружие тоже хорошее. Он чуть легче «немца», мобильнее, вполне обслуживается одним членом расчета. Второй нужен только диски вовремя набивать. У фрицев же обязательно ленту нужно придерживать, огонь ведут двое. Да и не набегаешься много с висящей лентой! Слышал, что у германцев есть отъемные барабанчатые магазины, но ни разу не видел.

Кроме того, «ДП» надежнее, если грамотно за ним ухаживать, в бою не подведет. А «МГ-34» состоит из хрен поймешь скольких деталей, пробовал разобрать — куда там! Еле собрал обратно, и то с найденным руководством по эксплуатации (там картинки есть). Так что пускай немецкий «МГ» и более скорострелен, и вообще — оружие сильное, но капризен, зараза. Ну и нехай, пусть сами с ним возьмется!

Кстати, принят у фрицев на вооружение «МГ-34», а только воюют они со всем, что есть под рукой: трофейными чешскими, французскими и английскими пулеметами, даже с нашими «ДП». Используют и то оружие, с чем их отцы дрались еще в империалистическую. Ну а с другой стороны, пулемет — он и в Африке пулемет. И немцы правильно делают, что трофеи в бою используют, зато они оружием оснащены по штату. Правда, как быть с патронами...

Мои размышления прервал донесшийся с тыла глухой гул моторов. Далеко. Вроде бы и наши грузовики, а там кто знает. Но цепочки красноармейцев встрепенулись, лишние движения прекратились, бойцы замерли. Подобрались и мы с Василием. Сейчас что-то начнется...

Сзади вдруг гулко так гроыхнуло, а несколько мгновений спустя сверху послышался... да даже не свист (как у летящих снарядов), а рассерженный вой, который с каждой секундой становится все громче. Еще мгновение спустя небо перечеркнули пламенные росчерки летящих в сторону врага снарядов. Только я таких раньше не видел — словно ожил Змей Горыныч из детских сказок и пошел немцев воевать, поливая их струями огня...

Удар! Чудовищный грохот с вражеской стороны — и тут же такой мощный толчок земли, что меня аж подбросило! Это ж чем же таким наши содят, что за километр от места взрыва все ходуном?!

И снова залп, и снова ледящий душу вой жутких снарядов, оставляющих за собой пламенные шлейфы, и снова чудовищный удар! Сразу за ним в немецком тылу послышались мощные взрывы. Ого! Да там, кажется, батарею накрыло!

— За Родину, за Сталина, в атаку!

...В месте попаданий новых снарядов остались глубокие воронки, быстро наполняющиеся талой водой и кровью. На дне некоторых из них можно разглядеть человеческие останки.

На поле стоят три покореженных, разбитых остова противотанковых пушек. Диковинные снаряды накрыли батарею, хотя более мощные взрывы прозвучали дальше, за селом.

Я отмечаю все это на бегу. Первые полкилометра мы протрусили довольно бодро, немцы огрызаются лишь редкими винтовочными выстрелами да короткими пулеметными очередями. Но 500 метров — это уже рабочая дистанция для всех фрицевских «МГ», и, похоже, нас просто подпускают, чтобы разом ударить из всех стволов.

— Василий, ложись!

Второй номер падает в снег рядом со мной. Поглубже вбиваю сошки «ДП», крепче упираю приклад в плечо. Сейчас начнется...

Предчувствие (да и опыт) меня не обманули. Околица села оживает характерным ревом 10 вражеских пулеметов. Атакующая цепь мгновенно валится в снег, часть бойцов — навсегда.

Пока красноармейцы бежали, они мешали мне стрелять, но зато я успел засечь ближний ко мне расчет. Теперь же фрицы бьют короткими по залегшим врагам, а я навожу срез планки прицела под язычок огня, пляшущий на раструбе пулемета...

— Товарищ сержант, ну же!

Василий в нетерпении приподнимается. Эх, он хоть что-нибудь запомнил, чему я учил?!

— Не высовывайся!!!

Немцы обычно дают семь-восемь очередей, после чего меняют ствол. Вот в этот момент хорошо

бы и подловить расчет. Пусть пулеметов у врага оказалось меньше, чем я ожидал, но все равно больше, чем в нашей атакующей цепи. И в «дуэли» с несколькими более скорострельными «МГ» было бы неплохо сразу заткнуть хотя бы один.

Вражеский пулемет замолкает. Опытному расчету требуется около 10 секунд, чтобы поменять ствол. Но у немцев их нет.

Плавню тяну за спуск...

Первая очередь с силой отдает в плечо и даже чуть оглушает, несмотря на какофонию боя. Но чувства эти знакомые, даже родные. И следующие три, примерно по пять-семь патронов, летят точно в цель.

— Бегом, меняем позицию!

Короткая перебежка: смещаемся чуть вправо и вперед метров на десять. Плюхаемся в снег рядом с телом убитого красноармейца. Вася невольно бледнеет, но тело павшего товарища сейчас служит нам единственной защитой.

Впрочем, фрицы все равно нас засекли. И хотя обстрелянный мною расчет пока замолчал (надеюсь, что навсегда), на нашей позиции скрещиваются трассы сразу двух пулеметов. Ошметки чужой плоти накрывают нас с ног до головы, а высунуться и ответить нет никакой возможности. Слишком плотно молотят фрицы...

Неожиданно сзади ударила мощная автоматическая очередь, не иначе как орудийная. Вражеский расчет буквально смело вместе с наспех насыпанным бруствером.

Второй попытался сменить позицию. Но на этот раз уже не сплеховал я: очередь «ДП» уверенно уткнулась в спину немецкого пулеметчика. Справа, одновременно со мной, грохнул винтовочный вы-

стрел, и второй номер упал, зажав простреленное бедро. Только третий сумел уйти, вовремя откатившись в сторону, за укрытие из деревянных плах.

С почином, Вася!

Оглядываюсь назад. Всегда бы так! На наших исходных позициях показались тонкоствольные зенитки, расчеты тянут их вперед на руках. Артиллеристы с ходу вступили в бой, даже не переведя орудия из походного положения. Вот это вы вовремя, ребята!

Глава 2

Ночь с 3 на 4 декабря 1941 г.

Район железнодорожной станции.

Рядовой 507-го полка 148-й стрелковой дивизии

Виктор Андреев.

...Когда-то я прочитал, что в жизни бывают дни, что делят ее на до и после. Тогда я не понял, только смутно себе представил, какими они могут быть: день свадьбы, рождение ребенка... Мою жизнь на до и после разделил сегодняшний день.

Наверное, я никогда не забуду того ужаса, с каким бежал в атаку, не забуду лица первого убитого мною немца. Глаза закрою — и вот оно, передо мной, будто только что штык прошел его живот. Не забуду, как горели танки и как бежал живой факел — немецкий танкист. Он даже не кричал — бывалые бойцы после сказали, что у него сгорела гортань, он уже и звука не издал бы...

Хотя сейчас пламя небольшого костерка, обложенного выломанными кирпичами, не напоминает мне о сожженной бронетехнике, о погибших людях; оно лишь приятно согревает кожу лица и руки, пробуждая в душе совсем иные воспоминания.

...В детстве я очень любил развести костер с отцом, потом с друзьями, любил смотреть на него и вести неспешные, а когда веселые или чуть грустные разговоры. На секунду я словно перенесся туда — в беззаботное, счастливое время, когда были живы все родственники, друзья и родные...

Сам я родом из-под Тербунов, совсем недалеко от Ельца. Село немалое, можно сказать — богатое. Было.

Не хочется вспоминать о плохом: как умирали люди в деревне во время голода, как раскулачивали крепких хозяев. Как, считай, ни за что посадили нескольких сельчан — вроде как «своровали».

Я и сам себе не могу сказать, справедливы ли были эти аресты. *Боюсь?* А чего бояться быть честным хотя бы с самим собой?

Может, того, что, признав неправду душой, мне дальше придется с ней жить? Или захочется попробовать что-то с ней сделать, что-то изменить? Да кто знает... С одной стороны, люди воровали государственную собственность, что требует наказания само по себе. С другой — да сколько они там своровали? И что?! И ради чего ведь брали или утаивали — семью прокормить, близких сберечь! Разве это плохо? И кто бы позаботился об их родных — колхозное начальство?! Что-то не верится, им бы лишь план выполнить.

Ох, не нужны сейчас мне эти мысли... Но отчего-то я снова и снова к ним возвращаюсь. Может быть, потому, что костер, так долго и приятно горящий, пожирает выломанные после артобстрела доски и куски шпал, в то время как мы топили печи соломой? Так ведь и ту брать запрещали! Или, быть может, потому, что я сегодня на ужин съел две пор-

ции перловки с тушенкой, а в деревне мясо видел только на Пасху да на осенний забой скота?

Тяжело все понять. Умные люди говорят (а партийные работники, что на деревне, что в армии, учат), что коллективизация была вынужденным шагом, необходимым для строительства новых заводов, производства танков, самолетов, станков. Наверное, они правы. Но только все эти умные люди из города, а из деревенских никто за колхозы спасибо не скажет. Да и что говорить, если в первый год, выполняя и перевыполняя план, забили столько скота и столько хлеба изъяли, что смогли лишь отчитаться о перевыполнении плана. Вывезти, укрыть — никто этим не озаботился. Все погнило...

А потом голод.

Я ребенком тогда был, не совсем понимал, что происходит. Почему вдруг все меньше и меньше дает каши мне мама. Почему ароматный ржаной хлеб больше не печется — в него теперь терли картоху, чтобы хоть что-то приготовить. Только темнел он на следующий же день — а ведь стал редким лакомством!

Но и то было только начало: еды становилось все меньше, каша все жиже, у некоторых соседей уже умирали младенцы — от недоедания у матерей пропадало молоко. Тогда-то люди и начали воровать, хотя фактически они брали самое необходимое, чтобы выжить, брали то, что раньше им и принадлежало! Да уж, тяжело было... А потом и еще хуже — люди начали пухнуть с голода.

Мою семью спасло только то, что я с младшими все лето провел в лесу, собирая ягоды, грибы, орехи, да чуть ли не каждый день ловил с дедом рыбу. Родители, предчувствуя беду, постарались навялить

как можно больше карасей, плотвы и окуней, что приносили мы со стариком; эти запасы в будущем нас очень выручили.

...Эх, рыбалочка! Выйдешь до зорьки на пруд аль на речку, только снасть разложишь, сеть или удочки забросишь, вот оно уж и солнышко показалось. Небесное светило одевает в багрянец деревья, луговые цветы, отражается от глади воды. А чуть припечет — и над рекой аль над прудом поднимается туман. И как-то сразу вспоминаются детские сказки о русалках и водяных, леших и кикиморах... Красота! Птицы в дальнем лесу начинают переливающуюся разноголосыми трелями песнь, петухи в деревне приветствуют друг друга бодрыми кукареканьями, кто громче. На воду спускаются утки с выводком, а рядом с ними плывет ондатра...

Кстати, если удастся ее палкой оглушить да тушку подхватить, сразу съедаем! Мясо у ондатры вкусное, нежное — даром что крыса. Тут же малый костерок разведем, тушку освежаем да на углях мясо и запечем, сдобрив солью (всегда брали с собой хоть чуть-чуть). Вкуснятина! А за ней уже и первые карасики поспевают — туда же их, на угли. Вот и завтрак.

Ловишь до обеда, а бывает — и до вечера. Солнце припечет, землю разогреет, а на зорьке какой аромат поднимается от луговых трав и цветов! Хоть воздух нарежай да в котелок с булькающей водой бросай для вкуса...

Но главное на рыбалке — это, конечно, рыба. Место свое надо прикормить заранее да пораньше встать — иначе займут. Бывали у нас с деревенскими мальчишками лютые сечи за прикормленное место, бывали... Так вот, я больше всего любил удить с удочкой. Забросишь удило и смотри на поплавок

(самодельный, из пробки). Коли дергать начинает, то мелочь подошла. Ее бы желательно отогнать. А как? Известно всем рыбакам, что если мелочь пришла, большая рыба клевать не будет. Не хочет она кушать твою наживку: мотыля ли, червяка или опарыша, вареную кукурузу, кашу, хлеб. Надо ее менять.

Только не всегда это получается. Червяка накопать еще можно, опарышей приходится добывать. Можно специально дать загнить каше (если есть лишки, что редкость), выставив ее на улице, можно сходить на скотобойню — только туда ведь не пускают. Каша или хлеб в крестьянской семье — это основной рацион, ими особо не разживешься.

И все-таки ведь находили, добывали наживку! И раз за разом забрасывали самодельную снасть в воду. А там как пойдет.

Начинает дергать, раз за разом быстро поплавок вниз ныряет, подсечешь — а нет ничего! Это маленькая рыба пришла. Тут нужно выждать момент, пока поплавок хорошо так не потянет в сторону. Вот тогда уж ворон не считай, подсекай!

Ну а большая ведет себя иначе: был поплавок — и нет его, скрылся под водой. Дернул — чувствуешь тяжесть — есть! Только вот вывести большую рыбу — это еще уметь надо. Аккуратно подтягивать за леску к себе, саму удочку не сгибая, — иначе сломаешь. И только у берега рыбу в подсад ловить.

Ну на удочки мы в основном на пруду ловили. Сеть на реке обычно ставят против течения, и тут одному не управиться. Вот, бывало...

— Ну что, мужики, вода вскипела. Давай трофеи делить.

Давно пора! Слюна от воспоминаний во рту такая стоит, что захлебнуться можно! Ужин, конечно,

был плотным — готовили на весь личный состав, а четверть бойцов выбыло, как пить дать. Ну, может, чуть меньше. Так что добавку предлагали всем, хотя многие поначалу отказались. Я и на свою-то порцию смотреть не желал, кусок в горло не лез. Спасибо командиру, наорал, заставил жрать, чтобы силы были. А после первой ложки такой жор пошел, что, и две порции съев, еще есть хочу.

Да и интересно, чем там фрицы питаются. Правда, трофеев нам досталось немного: несколько паечек галет, десяток банок тушенки на роту (оставшуюся), немного сигарет — ну это курякам. Я как-то не приучился. Вот и весь навар.

Мне достаются всего две хрупкие галеты с тонким слоем тушенки, намазанной сверху. Да примерно полкружки чая — кипятка, чуть сдобренного сахаром. Ммм... Вкусно немцы (чтоб вы, твари, выродились!) питаются.

...Нападение гитлеровцев в июне многие восприняли несерьезно. Бабы, конечно, завывли — но ведь такова их бабская сущность, по поводу рыдать и без повода. Правда, взрослые мужики, побывавшие на германской, тоже помрачнели. Но мы, молодежь, радовались: война пришла, сейчас врага побьем, домой вернемся с медалями и орденами! Толпой прорывались в районный военкомат. Только там нас никто особо-то летом и не ждал; в первую очередь призывали мужчин, имеющих воинские специальности, запасников.

А уж после желающих попасть на фронт стало гораздо меньше. Наша армия, самая могучая в мире, пятилась под ударами на собственной земле — вместо того чтобы разгромить врага «малой кровью, могучим ударом». Газетные сообщения и инфор-

мационные сводки ясности не вносили; рассказы о чудесах мужества и воинского мастерства бойцов и командиров РККА сменялись названиями населенных пунктов, за которые шли бои.

Что оставляем свою землю, в голос не говорилось. Но и так было ясно, что к осени противник докатился до Смоленска, идут бои на подступах к Киеву... И дальше только хуже. А чуть позже в семьи, чьи мужики ушли на фронт, стали приходить первые похоронки. И снова бабий вой, над которым уже никто не смел смеяться...

Чем ближе подходил противник, тем все более страшными слухами полнилась земля. Беженцы, бросившие родные края, рассказывали страшные вещи: о том, как фашистские летчики расстреливают колонны мирных людей, как немцы давят детей и баб танками, оставляя за собой лишь густое кровавое месиво... Как поголовно расстреливают комсомольцев и уничтожают семьи партийцев, как бросают в колодцы детей учителей. Как глумливо издеваются и поголовно насилуют всех девок и баб...

Я верил не всем слухам, хотя они регулярно дополнялись сообщениями Информбюро. Но то, что немцы — лютей враг, которого нужно остановить, уничтожить, стало предельно ясно. Сколько раз от душащего гнева сжимались кулаки! Сколько раз я представлял себе, как окажусь там, где враг совершает свои гнусности, как сумею остановить их, истребить!

И тем горше вспоминать сегодняшний день: вражескую атаку, свой крик и мат, быструю стрельбу, после которой я с силой передергивал затвор... В душе меня жег стыд: ведь я боялся и не целился и, наверное, ни разу не попал.

Но все равно я ставил себя выше Белова. Его стрелковая ячейка находилась рядом с моей. И я с гадливой радостью видел, как он и не стреляет во все, прячется, боится. Боялись все, но ведь многие вели пускай хоть сдерживающий, но огонь! А ненавистный мне Лешка трусил, трусил...

Но я видел, как он погиб. Я вновь высунулся из окопа, чтобы сделать очередной выстрел (зарядив уже последние патроны). И вдруг Белов: встает, смеется (!), спокойно так укладывает винтовку на бруствер. Целится. Стреляет.

Близко ударил пулемет, я присел, а Белов нет. И я не удержался. Вновь привстал, чтобы краем глаза видеть его.

Лешка снова выстрелил — и ведь пулеметная очередь оборвалась! А секунду спустя он упал на дно окопа; пуля прошла грудь.

Я нырнул в свою ячейку не в силах поверить, что Белов оказался смелее меня, что он пересилил свой страх. Что он погиб, сумев все же забрать кого-то из фашистов, а я нет. Я лишь палил по воробьям, радуясь, что оказался хоть чуть-чуть смелее соперника...

...Я не сразу влюбился в Аньку. Ведь все мы учились в одном классе, я, Лешка, Аня... Только я еле дотянул до шестого: семье были позарез нужны еще одни рабочие руки. И мне приходилось уже не столько помогать, сколько брать на себя хоть малую часть работы.

А они продолжили учебу. Я внутренне посмеивался над школярами (хотя вчера сам был одним из них), гордился, что уже работаю в колхозе, что уже являюсь одним из кормильцев семьи.

...Прошло пару лет, я стал полноценным рабочим, с нетерпением ждал, как отправлюсь в армию. Уже строил планы, что покажу себя на службе с лучшей

стороны и попробую поступить в военное училище. Форменная гимнастерка, галифе, хромовые сапоги, щеголеватая португеза с «наганом» в кобуре — да все девки мои будут! Но знакомиться с девушками хотелось и до армии, до училища. Ходил на танцы и уже там снова встретил ее...

Аня не красавица в полном понимании этого слова, но мужские взгляды она притягивает. Невысокая, чуть полноватая, что, впрочем, не особо ее портит. Поскольку фигуристая, а лиф платья трещит под напором тяжелой груди. Русая коса до пояса, а волосы волнистые, густые. Лицо хоть и наше, крестьянское (чуть кругловатое), однако же глазищи большие, голубые и губы красивые, полные — так и хочется в них впиться поцелуем!

Я как Аньку снова увидел, так аж загорелся, все ходуном во мне заходило, во рту пересохло! И уж я к ней и так, и этак, а она ни в какую. Потанцевала со мной пару раз, да больше из вежливости, хотя в моих горящих глазах все прочитала.

И этот отказ, это пренебрежение мною вначале просто задело, а уж потом и вовсе зажгло; отныне я мог думать только о ней. Пробовал ухаживать красиво: носил на подоконник большие букеты луговых цветов, за бешеные для себя деньги заказал шоколад из города, пробовал читать стихи. Да куда там! Цветам поначалу (я сестру посылал на догляд) обрадовалась — пока не узнала от кого. Шоколад отвергла, хоть и видно было, что очень хочет попробовать. Пришлось маме с сестрами отдать.

А на стихи мои честно ответила, что парень я хороший, да люб ей другой.

Вот уж тогда рассердился я крепко! Скоро узнал, что вздыхает моя желанная по Лехе Белову. Он, ко-

нечно, не чета мне: все десять классов окончил, собирался в город уезжать, поступать в училище или техникум железнодорожный. Да и на лицо смазливый, девки таких любят. Только ведь была у Лешки другая зазноба, Ксюшка!

С Ксюхой история отдельная. Она вот уж действительно красавица, каких в деревнях и не сыщешь во все. Высокая, стройная, лицо у нее тонкое, черты правильные, словно из барьев девка. Я, конечно, тоже на Ксюшку поглядывал, но и только: было видно, что птица не моего полета. Такой красе не грех инженера городского какого охмурить да на себе женить. Стал бы я военным, командиром — тогда, может быть, по-иному сложилось бы. Но мне и не больно надо, мне Анютка весь мир будто заслонила.

Вот только у Лехи ничего с Ксюшкой не получилось (оно и понятно), он на Аню и переключился. Та словно солнышко засияла! Я как-то не стерпел, в драку бросился. Схватились мы с Беловым, я вроде покрепче; да закончить нам не дали. Растащили, а желанная моя ко мне подлетела да пощечину как зарядит! И хоть девка, а рука-то тяжелая.

Стыдно, обидно, тошно на душе. Но больше я к ним не лез: что поделаешь, если не мил?

Началась война, страсти вроде поутихли. Нас с Беловым призвали в одну роту с еще несколькими земляками. Держались одной кучкой, старые обиды отошли на второй план.

Да только совсем недавно, когда немец уже к Ельцу подходил, когда стало ясно, что скоро в бой, Леха-то и проговорился про Аньку. Оно понятно: все трусили и хотелось хоть как-то заглушить страх. Разговаривали о доме, о любимых, о том, как в детстве за рыбные места дрались. Да все со смехом,

с шутками. Тут о бабах разговор зашел, вот Белов и не удержался, похвалился: он уже мужиком стал!

А у меня в глазах все от ненависти потемнело. Руки в кулаки сжались, чуть не кинулся. В последний миг остановился — у нас дисциплина строгая, кто его знает, как повернет. Конфликты командирами и политруком пресекаются строго; вдруг решат случай драки не замять (все ж таки бойцов и так не много), а, наоборот, показательно наказать, чтобы другим повадно не было! По крайней мере, зачинщика драки.

Ну и (нечистый попутал, самому сейчас стыдно вспоминать, что говорил) начал я над Анькой похабно измываться. Да так безобразно, что самого воротило от сказанных слов, — но лишь бы он первый с кулаками вперед бросился! А Лешка так ничего, как с гуся вода — гаденько улыбается, поддакивает. Только еще хуже стало, что Аня такому трусу безвольному честь свою подарила, сопле бесхребетной!

...Но сегодня этот самый трус проявил больше мужества, чем я, сумел вовремя справиться со своим страхом. Он сражался до конца и умер как мужчина, забрав с собой опытного, опасного врага. Я позже прошелся до места расположения вражеского расчета — лежал там крепкий немец со знаками различия в петлицах, явно не рядовой. А ровненько так посередине лба аккуратная дырка и раскрошенный затылок на месте выхода пули. Так-то.

А Лешка покоился в ячейке. И глазами ясными, голубыми в небо смотрел. И даже вроде как улыбался — спокойно так, умиротворенно.

И пропала разом вся обида за Аньку, все пренебрежение, вся злость к нему. Покойся с миром, Леха, и прости за все, если сможешь...

Дожевав галету с тушенкой и допив кипяток, я вдруг почувствовал, как сильно устал и хочу спать. Сегодня я не в наряде и не в карауле, так что можно идти отдыхать. Правда, холодно здесь, в просторном здании вагоноремонтного депо. Да мы кучкой лежать будем, согреемся.

Слышал, что здесь перед самыми боями железно-дорожники паровоз с двумя вагонами броней обшили, только вот вооружения установить не смогли — неоткуда взять. Пришлось бронепоезд срочно из города отправлять: ведь если немцы мост через Дон перекроют — абзац безоружной машине.

Он и другой сегодня ничего сделать не смог, хотя и вооруженный. Правда, когда я его после боя увидел, понял, что вряд ли бронепоезд смог бы чем нам помочь — его крепко потрепали в предыдущих боях. Ближе к вечеру машину отправили со станции — мудрят что-то наши командиры, но на то они и командиры, верно?!

Прежде чем закрыть глаза, подумал об Ане. Не убереглась девка! Ну и что же, не посмотрю теперь в ее сторону?

Сложный вопрос. Жениться-то всегда думал на честной девушке, так, с другой стороны, и Аня не шалава какая. Любимому себя подарила, а что неженатые — так война, кто его знает, как повернет? Лехи вон и нет больше.

А я? Я жив останусь? Перевязанные шея и грудак крепко болят при каждом движении, фашистская пуля и штык уже отметились на моем теле. Несказанно мне повезло, что вообще жив остался да что командир нас штыковому бою крепко учил.

А Аня? Она-то хоть выживет? Один шальной снаряд или налет германских стервятников, неболь-

шой осколок или пуля — и все, нет больше моей зазнобушки. А если немцы в Тербуны войдут?

Аж в жар бросило при этих мыслях. Фрицы мимо красивых и сочных баб да девок не проходят. Снасьничают толпой, как пить дать, и хорошо, если в живых оставят да ножами не изрежут!

И что тогда, не приму уже ее, многих мужчин познавшую да силой взятую?! Брезговать буду?! Или она в мою сторону не посмотрит, потому что не защитил от врага, потому что дал германцу в родное село войти?

Стиснув зубы до боли, что есть силы врезал кулаком по полу. Боль в осушенной руке хоть чуть-чуть мою ярость остудила.

Нет, германцы, балуете! Не освободителями вы пришли на нашу землю, не для того, чтобы власть советскую сбросить да чтоб деревня зажила — как в своих листовках расписываете! Вы пришли за землей нашей, за бабами нашими, за жизнью нашей и свободой!

Так не ждите, что уйдет Витька Андреев, что отступит. Насмерть стоять буду! Я сегодня уже двоих прихватил, завтра столько же ваших жизней драгоценных заберу! И целиться буду крепко, и стрелять метко, и укрываться вовремя. Я теперь битый, за которого двух небитых дают. И покуда жив — ни пяди по земле моей родной не пройдете!

Район городской больницы.

Боец Елецкого партизанского отряда Григорий Фомин.

Холодно что-то, даже в сон не клонит. Впереди, на Орловском шоссе, идет крепкая драка; до нас доносятся звуки многочисленных выстрелов и оче-

редей, гулкое эхо бухающих снарядов. Но в тюрьме наши вроде бы неплохо закрепились, так просто их оттуда не выбить. А тыл мы прикроем.

Правда, прикрытие из нас (бывшего городского истребительного батальона, теперь же части Елецкого партизанского отряда) получилось хреновенькое: большая часть бойцов вооружена не поймешь чем. К примеру, у моего молодого товарища по дозору, Митьки Хрипунова, в наличии переделанная из учебной винтовка, а у меня гладкоствольное охотничье ружье. Плюс по гранате-самоделке на брата (их штампуют на табачной фабрике) — вот и все вооружение. И хотя опыта-то у меня поболее будет, чем у многих, мою белогвардейскую службу комиссары помнят крепко.

...Я, Григорий Демьянович Фомин, 1898 года рождения, родился в мещанской семье, вырос и прожил большую часть жизни в Ельце. Я хорошо помню купеческое время, когда город весело переливался солнечными бликами, отражающимися от золота церковных куполов; помню торжественный приезд великого князя Михаила Александровича. Его приурочили к открытию красивейшей Великокняжеской церкви, крест которой был выполнен из горного хрусталя, — не скупилась купчины, вкладываясь в родной город!

Тогда в городском саду имелись специальные тепличные оранжереи с тропическими фруктовыми деревьями и бродящими между ними павлинами. А каким красивым был парк купца Петрова, представляющий собой сложную систему связанных водоемов, в которых произрастали редчайшие цветы и деревья?! В обоих парках часто играл полковой оркестр Нежинского полка, устраивались

танцы. Для молодых людей продавались газированные напитки и шампанское Заусайлова, произведенное по французской рецептуре.

Конечно, весь этот рай был доступен немногим. В том же городском саду было три дорожки, по которым гуляли люди разного состояния и сословий. Таким образом, простые работяги могли прийти полюбоваться парком, но никак не смогли бы встретиться с купчихами или дворянками. Да ну и шут бы с ними, с купчихами! Хотя, конечно, унинительно.

Зато работы в Ельце хватало. Большая железнодорожная станция, при ней первое в Российской империи техническое железнодорожное училище. Табачная фабрика и ликеро-водочный завод, выпускающий елецкие шампанское и вина. Елецкая мануфактура, на которой плелись известные во всей Европе кружева, кожевенная фабрика и другие. Было где учиться детям всех возрастов и сословий: приходские, городские и железнодорожное училища, реальное училище (которое оканчивал я), женская и мужские гимназии.

Город был очень богат благодаря активным, предприимчивым купцам, что не жалели средств на украшение и развитие Ельца, а заводы и фабрики притягивали рабочие руки. Елец по праву мог претендовать на звание губернского города и должен был им стать. Еще царь Александр III обещал изменить его статус с уездного на губернский, если в городе будут действовать 33 храма. И ведь заложили 33-й, да только во время войны...

На германский фронт я, 18-летний парень, попал в 16-м году. Год побед, год славы русского оружия!

Австро-венгров разбили в Галиции, турок громили уже в Малой Азии, Юденич взял Синоп. Колчак рас-

секал по Черному морю, загнав турецко-германский флот в Мраморное море, а на Балтике немцы никак не могли прорвать оборону, возведенную еще гением Эссена. Россия готовилась к финальному рывку, к удару, что сокрушил бы кайзеровскую Германию...

Придя на Северный фронт вольноопределяющимся, я смог занять место в пулеметной роте. Пулемет «максим» казался мне воистину сказочным смертоносным оружием; один умелый расчет вполне мог остановить атаку целой роты врага. Благодаря водяному охлаждению огонь из «максима» можно вести непрерывно, а большая масса и устойчивость дают отличную кучность и точность боя. В отличие от кайзеровских пулеметов, наш был оснащен щитком, закрывающим пулеметчика от пуль и осколков.

Воевал я честно; и хотя у нас не было таких лихих сражений, как у Брусилова, подрасться мне пришлось крепко. И газами меня травили, и в атаку шел вместе с пехотой, ткнув за собой больше 60 килограммов пулемета, и врага отражал. Георгиевский крест четвертой степени заслужил по праву.

Перед госпиталем (крепко зацепило осколком) получил направление в школу прапорщиков. Но не успел я еще выписаться, как грянула революция.

...Отречение царя, регулярные смены правительства, преступные приказы, разом развалившие армию, — страна стремительно скатывалась в пропасть. Такая грязь со дна поднялась да в князи полезла — страшно вспоминать. Грабежи, убийства, насилие стали порядком вещей. Полицию, транспорт, почту практически полностью парализовало; государство больше не выступало гарантом защиты жизни и прав человека.

Фронт трещал и прогибался под ударами немцев, держась лишь на силе духа истинных патриотов. Но с каждым днем их становилось все меньше — «революционные массы» бунтовали, расправлялись с офицерами; дезертирство было массовым. В таких условиях оставаться в строю я не захотел, да и до фронта добраться не смог бы. Нет, я отправился в родной город в надежде воссоединиться с семьей и при необходимости защитить родителей.

Что же, путь домой был непростым, и я не раз пускал в ход трофейный «парабеллум». Слава Богу, родители мои уцелели, хотя и пограбили их изрядно. Но радость воссоединения была недолгой: к власти пришли большевики, а вскоре началась Гражданская война.

Надо понимать, что семья моя была искренне верующей, отец состоял в обществе трезвости, организованном отцом Николаем Брянцевым. Его убийство, как и начавшиеся гонения на православную церковь, всколыхнуло родных. Отец, крепкий еще мужик, отслуживший ценз в драгунах, терпеть подобное беззаконие не стал.

Маму мы отправили в деревню к родным, а сами двинулись на Дон — там пытались подняться казаки, там же создавался добровольческий корпус. Вот только красные реагировали быстрее: они в кратчайшие сроки отобилизовали боеспособную армию, расстрельными методами навели в ней жесткий порядок. А колеблющееся рядовое казачество большевики разлагали всевозможными посулами, настраивали простых казаков против собственных офицеров, атамана. И выступление Каледина вскоре затихло, а добровольцы ушли на Кубань.

Мы с отцом оказались меж двух огней. На Дону теперь правили большевики, в тылу тоже остались большевики. Немногочисленные добровольцы безуспешно штурмовали Екатеринодар и так же безуспешно пытались поднять кубанцев, перед войной щедро разбавленных иногородними. В сущности, их дело было — труба, вопрос об окончательном разгроме контрреволюционных сил заключался лишь во времени.

Мы с отцом укрылись в небольшой станице, уже не зная, что делать дальше — прорываться на юг, следуя через местность, занятую красными и бандитами, или домой, на север — через те же препятствия. Решили немного переждать, последить за событиями.

Наше ожидание окупилось сторицей. Большевиков (а точнее, бандитов и мародеров, поступивших им на службу) подвели самоуверенность, жестокость и безнаказанность. Когда начались грабежи и изнасилования на Дону, казаки поднялись и обрушились на оккупантов. Возглавил их талантливый организатор и военачальник Краснов. Тут-то и мне нашлось место, и моему отцу.

Вот только развела нас тогда судьба. Я попал в пулеметную команду, а мой драгун-родитель — в кавалерийскую часть. Какое-то время воевали рядом, но единый фронт отсутствовал: что красные, что казаки действовали небольшими мобильными группами, много маневрировали. Части мотались из стороны в сторону, и вскоре всякая связь с отцом прервалась.

Что с ним случилось, сложил ли батюшка голову в схватках, или сумел эмигрировать (если б в России остался, обязательно вернулся бы домой) — я

не знаю. Молюсь за отца каждый день, а уж Господь ведает, где оказать помощь родителю.

...Гражданская война сильно отличалась от второй Отечественной. До того я дрался с германцем, защищал Родину, ее интересы. Здесь я вроде бы так же сражался с врагом, да только не с иноземцем, а со своим же, русским братом. Быть может, среди тех, кто поднимался в атаку под пулеметным огнем моего «максима», были вчерашние друзья, знакомые, сослуживцы; я никогда не смотрел на тела павших, боясь кого-то узнать. Да, их направляла чужая, вражеская рука, вот только гибли на поле брани свои же, русские.

«В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата...» Эх, если бы на Гражданской войне такое было возможно!

...За четыре года бесконечной войны казаки устали. Того стержня, что был у красных (расстрелы, комиссары, семьи в заложниках), воины Краснова не имели. И когда забрезжила возможность замориться, большинство казаков сложило оружие — тем более что сил держаться против большевиков уже не хватало.

Многие обнадежились тем, что красные учтут старые ошибки и не допустят вновь обид населению.

Вот только лидеры большевиков видели в казачестве сторонников царизма, а не друзей революции. Веками сформированное воинское сословие, чуть ли не отдельный народ со своими традициями и способностью самоорганизации, казаки были слишком опасны. Так что теперь уже не мародеры и грабители из красной гвардии стали мучить людей, а комиссары, используя все наличные ресурсы. Они грабили, убивали, насиловали; храмы осквернялись, духовен-